

Вместо предисловия

Я не думала, что у меня когда-нибудь появится желание еще раз вернуться к детско-родительской теме. Так много уже написано, так много сказано. Кажется, что абсолютно нечего добавить к тому, что есть. Но, продолжая работать, имея дело с бесчисленными детскими историями, которые мне рассказывают как мои маленькие клиенты, так и взрослые, я отчетливо понимаю, что совершенно простые и даже банальные вещи, понятия, явления ускользают от внимания многих взрослых, воспитывающих детей в нашей стране.

Эта книга не для вас, если вы:

- точно знаете, как воспитывать своего ребенка, уверены во всех своих воспитательных целях, мотивах, задачах;
- руководствуетесь принципом «меня так воспитывали — и я буду так же»;
- считаете, что родительство — это то, чему не надо учиться, вы и так все знаете лучше других;
- сами готовы раздавать советы другим, как им воспитывать их детей.

Потому что я собираюсь с вами поговорить о том, что не просто слышать, иногда трудно понять и в чем нестерпимо признаваться самим себе. О том, что является фоном, общепринятой нормой. Я хочу поговорить с людьми, кто готов:

- серьезно задуматься над тем, как мы, взрослые, ведем себя по отношению к детям, какую систему воспитания мы для них создаем;

— сделать маленький шаг, принять взрослое решение, которое позволит хоть что-то изменить в отношении хотя бы одного ребенка: вашего, всем сердцем любимого; хорошо знакомого соседского; профессионально вам порученного подопечного или просто случайно встреченного.

Я знаю, что большинство из вас любит своих детей, но неизбежно и не всегда, к сожалению, осознанно мы смотрим на своих детей сквозь призму того, как воспитывали нас, и это влияет на то, как мы проявляем свою любовь. У меня нет никакого желания осудить кого-то, «поймать за руку» или застыдить за «неудовлетворительное» родительство.

Во-первых, я понимаю, как непросто растить ребенка, какая это невероятно сложная задача, если хоть немного задумываться о глубине происходящих процессов. Я — мама, и я знаю это из собственного опыта. Во-вторых, я считаю, что осуждение и критика вредны для жизни, понимания и дальнейшего роста.

Мне по-настоящему важно, чтобы мы с вами просто увидели и осознали последствия нашего взрослого насилия над детской душой. Намеренного или неосознанного, мимолетного или регулярно совершаемого, неявно травматичного или глубоко токсичного для детской психики.

Да, эта книга о насилии. В том числе о том, что в просторечье называется просто «воспитанием». О том, каким образом многие родители пытаются влиять на своих детей, будучи абсолютно убеждены, что творят только благо. А также об унижении, оскорблениях, манипуляциях, инцесте, взламывании детских границ, физическом, эмоциональном, сексуальном насилии. О том, как и когда наша родительская власть превращается из опоры и необходимости в разрушительную силу. О последствиях такого насильственного воспитания и об альтернативных способах выстраивать отношения с собственными детьми.

Полагаю, что эта книга, в отличие от других моих книг, не вызовет положительного (в целом) принятия. Возможно, вы не раз в ярости захлопнете ее, узнав там себя или окружающих вас людей. Вы имеете право злиться, быть несогласными со мной, возмущаться. Но я не могу не говорить о том, что так вездесуще, так распространено и так калечит жизни наших детей.

Мы часто чувствуем себя беспомощными, поскольку не можем влиять на существующую образовательную, политическую, медицинскую или еще какую-либо систему. Нам привычно ощущать себя безвластными, пассивными, маленькими перед махиной государственной власти или всемогуществом системы. «Я не могу повлиять ни на что. Я слишком мал. Мой голос тих. Таких, как я, совсем немного. Я не уполномочен менять то, что сложилось. Мое дело — принять и адаптироваться к тому, что есть». Я и сама часто ощущала что-то подобное. Но, честно глядя на саму себя, я все больше понимаю, что это — всего лишь способ укрыться от ответственности, от простой правды, состоящей в том, что каждый наш поступок и реакция влияют на мир, постоянно создавая и изменяя его.

Я — женщина, существо мирное, не поддерживающее революционные настроения. Я не за то, чтобы «весь мир насилья разрушить до основанья, а затем...». Тем более что мы все это проходили уже не раз. Я как раз за обратное: за понимание того, что насилие порождает только насилие. Я за то, чтобы принять и признать вклад каждого из нас в то, в какой семье мы живем, в какой системе работаем, в какой стране строим будущее и растим своих детей.

Еще раз повторюсь, что я не намерена вас и себя (ибо я тоже родитель) ни в чем обвинять и тем более стыдить, не намерена даже ни к чему призывать, хотя, признаюсь честно, порой очень хочется. Я осознаю, что не обладаю никакими полномочиями для такого рода призывов. Я просто предлагаю

вам разговор на сложные темы, о которых в нашем обществе, как правило, предпочитают не только не говорить, но даже не замечать их, не называть, не соприкасаться с ними.

Но если мы, взрослые, не начнем называть вещи своими именами, то мы навсегда останемся в этом мороке, с иллюзией того, что «мы ни при чем, от нас ничего не зависит».

Мы можем что-то изменить, если для начала осознаем, что именно мы делаем, воспитывая наших детей. Ясно увидим и признаем последствия. И сделаем все возможное, чтобы насилия в мире стало меньше.

Часть I
ОСОБЕННОСТИ
РУССКОГО
РОДИТЕЛЬСТВА

1

ПОЧЕМУ МЫ СТАЛИ ТАКИМИ (ОДНА ИЗ ВЕРСИЙ)

Если вам трудно или неинтересно читать эту главу, вы ее легко можете пропустить или вернуться к ней позже. Она для тех, кому важно понимать возможные первопричины. А также для тех, кто привык застревать в собственной виноватости. Ведь воспитательные модели не изобретены каждым из нас персонально. Существовало множество культурных, социальных и исторических предпосылок к тому, чтобы наши воспитательные модели стали общепринятой нормой. И многие из нас всего лишь неосознанно следовали этой «норме».

Много лет пребывая в разных ролях в образовательно-воспитательных системах в нашей стране, слушая жалобы учителей и родителей, видя проблемы детей, окружающих меня и приходящих на консультацию, я задавалась вопросом: что же лежит в основе системы, в которой растут наши дети (прежде всего детского сада и школы)? И с изумлением обнаружила до боли простой посыл, доставшийся нам из давнего исторического прошлого.

Звучит он примерно так: «Дети — это существа, наделенные чем-то порочным, неправильным, искаженным, и наша задача — вылепить из ребенка могучего, доброго и светлого человека, не щадя живота нашего для искоренения в нем порока и изъяна».

Если взять относительно недавнюю историю, то, например, во времена расцветающего большевизма под такой позицией как будто бы лежали свои основания: новая стра-

на формировала новых граждан под свои идеологические цели. Новый гражданин должен соответствовать новому обществу, все старое было объявлено неправильным и устаревшим. Прежние опоры, устои, основания были выдернуты с корнем, выкорчеваны, истреблены. Новые основания и опоры должны были быть заложены в каждую детскую душу, потому что им, вырастающим, нужно было убедительно, без колебаний и сомнений строить и укреплять новое общество.

«Педагогика — одна из важнейших революционных и постреволюционных дисциплин. К советским людям власти относятся как строгие, но справедливые учителя к невоспитанным детям, которым они помогают избавиться от детского мистицизма, фантазирования, индивидуализма и хаоса» (цитата из статьи Арона Залкинда 1924 г. «Пионерское молодежное движение как форма культурной работы среди пролетариата»). Эта цитата — руководство к действию не только для педагогов, но и для многих поколений родителей. И основная мысль в этом послыле проста и незатейлива: «Ребенок — это несовершенное и в целом неправильно устроенное существо, которому требуется постоянное и активное исправление».

Впрочем, большевики не изобрели ничего нового в отношении к детям, они всего лишь основывались на идущих из средних веков представлениях о порочности юного существа, от которой способна спасти только религия. Большевизм предложил новую религию, но предположение о несовершенстве природы ребенка осталось и укрепилось.

Грандиозная затея, без сомнения, удалась. И само отношение, сам механизм остался, хотя и претерпел некоторые изменения. После революции несколько поколений уже жили в новом строе, а необходимость исправлять, понукать и критиковать растущего ребенка укреплялась. Более того, сама идея воспитания как будто бы все больше сводилась

к простой родительской схеме: кормить, одевать и исправлять. Родительский долг считался выполненным, если одно из трех выполнялось, и уж тем более появлялось родительское удовлетворение, если выполнены все три.

Итак, одна из явных родительских тенденций — желание исправлять, продиктованное неистребимой верой в то, что детей нужно переделывать, ибо они недостаточно хороши, потому что природа задумала их «порочными». Вторая родительская тенденция — не видеть, не признавать собственных ошибок, недостатков и пороков. Истоки этих тенденций — в истории нашей страны.

Наше общество (уж не будем залезать в глубь веков) весь XX век во многом прятало от себя свои проблемы. Революцию совершили крестьяне, рабочие и солдаты. Будучи всегда подчиненными, угнетенными, задавленными, они так и не стали по-настоящему взрослыми, оставаясь инфантильными, глубоко обиженными и психологически незрелыми. Многие из них в своем психологическом развитии не достигли даже подросткового возраста (за исключением разве что предводителей, подростковому самосознанию которых максимально соответствовала идея свержения и сноса «родительских» ценностей).

Убрав, свергнув, постепенно сместив всех тех, кто создавал и держал на себе прежнее общество, — значительно более «взрослую» часть русского населения: дворянство и интеллигенцию, застигнутых революцией на пике собственного кризиса, — они отвергли все то малое, на что можно было опереться, чтобы вершить назревшие в стране изменения.

В результате грандиозного переворота нашей страной стали править люди с детской, незрелой психикой, а ей свойственны незрелые защиты, в частности отрицание. «Этого не было. Ничего такого не происходит. Нет необходимости вмешиваться и что-то менять. Все хорошо. Если кто-то что-то сделал плохое, то это не я. Это кто-то другой. Это не моя ответственность.

Я ни при чем». Все, что нами не присваивается и не признается, имеет тенденцию уходить в Тень¹.

Итак, многие проблемы, существовавшие тогда в молодом обществе, начинают отрицаться, ведь детская психика совершенно не переносит противоречий. А они были налицо: хотели дать все и всем, а кругом были лишь бедность и лишения; хотели дать светлое будущее, а получали голод, гражданскую войну и яростное сопротивление старого режима. Хотели управления по справедливости, а получили власть чиновников от партии, в самом авангарде которой оказались далеко не самые психологически здоровые и достойные, морально чистые и высокодуховные люди. Детский способ борьбы с противоречиями — перестать их замечать, отрезав одну из противоречивых частей. Невыносимо видеть и признавать собственную порочность, гораздо проще поместить ее во что-то внешнее, например: в буржуазию и враждебное окружение (и начать с ними бороться) или в ребенка (и начать его исправлять). Потому что борьба и исправление дают ощущение собственного участия в изменениях. Я уже не пассивный страдалец — я меняю мир тем, что борюсь с «неправильным» и «враждебным». Не замечая собственных проблем и изъянов, я начинаю подозревать и искоренять их в собственных детях.

В моменты сомнений и колебаний общество значительно стабилизировалось и укреплялось на почве идеи борьбы

¹ Понятие Тени к нам пришло из юнгианской психологии и означает следующее: то, что нами не признается, не присваивается, вытесняется и имеет тенденцию активно проецироваться на других.

Например, если вы не признаете своего страха, то вам кажется, что бояться окружающие, или вам кажется, что мир опасен, но вам трудно сказать почему. Если вы не присваиваете, не признаете за собой права на собственные желания, то вас могут раздражать те, кто стремится исполнить свои. У нас часто вызывает сильные чувства то, что мы не можем присвоить себе. Но осознать это трудно, гораздо проще начать бороться с другим, искореняя в нем то, что сложно увидеть и признать в себе.

с внутренним или внешним врагом. В моменты внутренних конфликтов и сомнений нам очень хочется активно перевоспитывать наших детей. Нам начинают бросаться в глаза их ошибки, нас вдруг серьезно начинает беспокоить их поведение, и мы из самых лучших родительских намерений принимаемся за воспитательную работу. Это кажется нам значительно более важным и воодушевляющим, чем разбираться с собственными проблемами и кризисами.

Итак, не разобравшись в себе, не имея элементарных представлений о психологии, законах общения и ничего не зная о периодах, кризисах и феноменах детской психики, мы беремся воспитывать, формировать, исправлять все то, что уже мудро заложила в ребенке природа, и то, что вовсе не нуждается в исправлении.

Не задаваясь вопросами, мы вынуждены либо взять за основу модель воспитания нас самих собственными родителями, либо реагировать на ребенка, попросту говоря, «как бог на душу положит»: в соответствии с собственным настроением, ограничиваясь собственным пониманием, ориентируясь по большей части на реакции и ожидания окружающих, а не на родительскую интуицию или на мудрую природу ребенка.

2

ЛЮБИМЫЕ РОДИТЕЛЬСКИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Так как родители руководствовались принципом «искоренить и переделать», основными родительскими интервенциями стали оценивание, критика, принуждение, устыжение, ограничение, угрозы. Главными детскими добродетелями оказывались послушание, признание собственного несовершенства и виновности, а также стремление максимально соответствовать родительским ожиданиям. Основными инструментами воспитания — манипуляции, принуждение, наказания, поощрения, стремление вызвать в ребенке чувства вины, стыда, страха.

Считалось, что ребенок неспособен к позитивному управлению собственной деятельностью. Формообразующая, структурирующая функция была вынесена вовне, помещена во внешнего взрослого. Ребенок воспринимался как существо хаотичное, начисто лишённое воли, совести, естественных внутренних ограничений, осознанного выбора и нравственных принципов. Что говорить, многие взрослые и в наше время продолжают воспринимать детей именно так.

Взрослый, выросший при прежнем строгом авторитарном режиме, как правило, управлялся извне, формировался внешними посылами и корректирующей средой, выпадать из которой, выделяться было достаточно опасно. Поскольку такой взрослый все время испытывал давление и ограничения, то и детям своим он транслировал то же самое.

Как правительство, уйдя от «отцовской» власти монархии, перейдя к матриархальным принципам большевистского

братства, окунувшись в хаос и не справившись с постреволюционным разбродом, вынуждено было вернуть строгую и авторитарную власть, так и современный родитель практически убежден, что если оставить ребенка предоставленным самому себе, то последний, безусловно, не справится с собственным внутренним хаосом и непременно разнесет все вокруг. И потому жесткий контроль, критика и понукание каждому ребенку просто необходимы.

Однако это совершенно не так. Детская психика, не изнасилованная родительским давлением, способна к самоорганизации. Ребенок вполне может вести себя конструктивно без вездесущего контроля, постепенно осваивая среду вокруг, учась контролировать себя, формируя собственную ответственность. Но насколько трудно поверить в это взрослому, выросшему в тотальном контроле над ним государства, системы и его собственных родителей!

Давайте все же разберемся, какое влияние на самом деле оказывают на ребенка традиционные родительские воздействия. Итог часто оказывается совершенно не тем, который мечтает увидеть родитель, но искать первопричину в себе он, к сожалению, совсем не склонен.

Итак, даже вполне современные родители нередко применяют эти методы.

Принуждение

Обычная ситуация: ребенок не хочет, родитель принуждает. Первый по каким-то причинам решает чего-то не делать. Второй считает необходимым не искать причины такого решения, а просто заставить.

Послание при этом примерно таково: *«Ты сам не можешь, у тебя нет своей воли, своей интенции, контроля, опыта, ума, а у меня есть! И я заменяю твою внутреннюю волю своей!»*

Тот, кого часто принуждают, живет в конфликте с собой: с одной стороны, он старается выполнять все, что от него хотят, во избежание еще большего давления, с другой — изо всех сил сопротивляется принуждению.

Жить под принуждением, регулярно отдаваясь под контроль внешнего Другого, человеку на самом деле совсем не хочется, поскольку вместе с контролем он отдает и свои желания, чувства, волю. Постоянная жизнь под принуждением — верный путь к окончательной потере себя самого.

Выходов из такой ситуации, как правило, два. Либо смириться, отказавшись от всего своего, полностью подчинившись чужой воле, став послушным и ведомым до конца дней своих. Либо включать противоволю, пытаться сопротивляться принуждению. И если все-таки человек начинает бунтовать, то, скорее всего, он встретится с сильной ответной агрессивной реакцией. Окружающие, привыкшие к его безропотности, скорее всего, быстро подавят «бунт на корабле», чем с большой степенью вероятности окончательно убьют его волю, лишив сопротивление смысла.

И если окажется, что бунт в его домашнем окружении все же строжайше запрещен, то какое-то время он еще будет бунтовать через болезнь, пассивные протестные реакции, навязчивые состояния. Но потом, не в силах все время жить во внутреннем конфликте, в конце концов откажется от собственной воли ради спокойствия.

Таким образом, нам важно осознавать, что, регулярно принуждая детей, мы калечим их здоровую волю (в случае их полного отказа от сопротивления), закладываем в них либо мазохистский механизм (привычку страдать и терпеть), либо болезненное стремление к сверхконтролю.

Его часто принуждали, но никогда не били — он же рос в такой интеллигентной семье! Строгая бабушка просто не допускала

возражений, чего бы это ни касалось: супа, который надлежало доесть, несмотря на то что ему было противно; уроков, которые надо было делать в заведенной ею очередности. Одеваться, раздеваться, убирать, складывать, чувствовать, думать. В нем не было ничего своего, кроме настойчивого желания сделать все именно так, как она хотела, но бабушкино давление делало его неповоротливым, руки переставали двигаться, ноги не хотели идти.

Он жил как будто в вязком болоте, где каждое движение стоило невероятных усилий. Ему невыносимо было слышать ее бесконечные замечания, но, как бы он ни старался, каждый раз почему-то получалось все медленнее и медленнее. Это рождало новую волну бабушкиного недовольства, и казалось, этому не будет конца. Он был в тупике, но поделаться уже ничего не мог. Когда ему поставили диагноз «обсессивно-компульсивное расстройство», они оба были очень огорчены. Она — тем, что он ее так разочаровал, а он — тем, что так ее подвел, хотя очень старался делать все, чего ожидали от него требовательные и любящие взрослые.

Альтернатива принуждению — твердое обозначение своей родительской позиции или проявление нормальной родительской власти, желательно с обозначением и принятием детских чувств. Пример: «Да, я понимаю, что ты не любишь вставать так рано, но в школе уроки начинаются в 8 утра, и потому тебе уже пора». Альтернатива (для более взрослых детей) — отдать им контроль за своим ранним подъемом, обозначив, что это их дело — разбираться потом с опозданиями в школу. Еще один вариант — нормальная родительская просьба, например, если вы хотите, чтобы ребенок убрал свою комнату: «Ты не мог бы помочь мне с уборкой? Убрать сегодня в своей комнате и помыть везде пол, потому что к вечеру у нас будут гости».

Важно помнить, что просьба подразумевает возможность отказа. Но ваше уважительное отношение к ребенку, который может вам отказать, окупится сторицей, потому что обернется гораздо бóльшим сотрудничеством и ответным уважением к вам и вашим просьбам.

Устыжение

Устыжение, как излюбленная родительская манипуляция, действительно часто срабатывает, бывает сиюминутно эффективным, однако оно весьма токсично в перспективе, поскольку грозит насильно вскрыть то, что хотелось бы оставить закрытым.

Послание при этом таково: *«Ты плохой, ужасный, я вижу тебя насквозь, ты от меня ничего не скроешь. Все твои желания и действия порочны. Учти, я слежу за тобой и всегда готов вывести тебя на чистую воду».*

Если мы пристыдили ребенка, особенно публично, то вот что мы на самом деле сделали:

- продемонстрировали свое превосходство, совершив акт психологического насилия;
- вскрыли перед всеми то, что он предпочел бы оставить при себе, тем самым нарушили его личные границы;
- объявили его плохим, и это чувство, увы, надолго останется с ним;
- поселили в нем страх перед собственными ошибками, недостатками, поступками;
- положили еще один камень в здание его собственной «тюрьмы», которая не позволит ему проявляться, творить, пробовать, самовыражаться, достигать успехов;
- самонадеянно посчитали, что у него нет собственного инструмента совести и он сам не может понять, что поступил неправильно.

Я считаю устыжение вредной, разрушительной родительской интервенцией главным образом потому, что в руках некоторых взрослых стыд утрачивает свою первичную функцию: укрывать сокровенное, интимное от чужого взгляда; быть эмоциональным выражением нашей совести, а вместо этого превращается в инструмент манипуляции, запугивания, воздействия.

Тот, кто постоянно стыдит ребенка, либо рождает в нем тенденцию к расщеплению и вытеснению всего того, чего, по его мнению, надо стыдиться, — и тогда ребенок вынужден не чувствовать потребностей своего тела, отказавшись от всего, что вызывало мучительный стыд: от удовольствия, сексуальных желаний, проявления чувств, от возможности проявляться в принципе. Либо рождает в нем сопротивление в виде девиантного (социально неприемлемого) поведения, позволяющего ребенку совершать поступки, которых можно реально стыдиться, — тем самым ребенок пытается взять стыд под свой контроль.

Поскольку испытывать стыд весьма мучительно, а стать безупречным — лишенным всего человеческого — невозможно, то в семьях со слишком строгими правилами и тенденциями постоянно стыдить ребенка просто учится тщательно скрывать, утаивать, лгать, пытаясь сохранить свои интимные границы.

Над ней все любили посмеяться, ведь она была самой младшей в их большой семье. Всех потешало, как она пела, когда была маленькой, — «медведь на ухо наступил», — как танцевала, весело размахивая подолом платья, как говорила, не справляясь с непослушной «р». Наименее страшное, что она слышала, говоря о своих желаниях, было: «Ишь чего захотела!», чаще слышала: «Ей еще и это подавай! Губа не дура». Она пыталась укрыться от вездесущих глаз и насмешек, но удавалось плохо: что бы она ни сделала, все получалось как-то не так, и, сколько она себя

помнит, «наша недотепа» она слышала значительно чаще, чем свое имя. Ее мучительные старания доказать им, что она хоть чего-то стоит, закончились в подростковом возрасте, когда она решила, что угодить им уже невозможно, что с таким прыщавым лицом и угловатой фигурой ей не светит услышать в свой адрес ни одного доброго слова. Она стала воровать и убегать из дома, чтобы оправдать свое «повышение» в статусе: от «нашей недотепы» она доросла до «исчадия ада».

Таким образом, устыжение, вопреки родительским ожиданиям, не делает ребенка лучше, оно делает его скрытнее. Риск быть пристыженным заставляет загонять вглубь многие естественные проявления и импульсы, заставляет бояться себя самого, собственной Тени, аффектов, мыслей, чувств. Ожидание устыжения — это жизнь в постоянном страхе.

Желание скрыть то, что ощущается человеком как интимное, глубоко личное, — совершенно естественно. Многим людям хочется укрыть от посторонних глаз неприглядные поступки, собственные, не очень принимаемые обществом, особенности, черты характера, проявления. Свободный и осознанный выбор каждого — открывать или показывать другим людям то, что он готов показать или открыть.

Устыжение — это внешняя замена внутренней совести ребенка. Когда он не делает чего-то не потому, что осознает, что это нехорошо, неприемлемо, неуместно, а потому, что боится быть застыженным. Принуждая ребенка, вы забираете себе его волю, а стыдя, вы забираете себе его совесть. В конце концов ему становится выгоднее либо жить бессовестным, либо жить в страхе наказания, а не в соответствии со свободно и осознанно выбранными моральными ценностями.

Альтернатива устыжению. В любом случае о плохих поступках ребенка лучше говорить с глазу на глаз, обсуждая

с ним причины и следствия того, что он сделал, — учитывая его возраст, конечно. Вы можете поделиться своими чувствами: «Я так расстроен (рассержен, обижен). Что побудило тебя так поступить?» Если ребенок отвечает «не знаю» (иногда он действительно может не знать), то просто стоит объяснить примерно в таком ключе: «Когда ты поступаешь вот так, другие люди могут чувствовать себя вот так». Тогда ребенку будет проще воспринять моральные нормы и социальные ограничения, не чувствуя себя ужасным, плохим, не заслуживающим вашей любви.

Мы все совершаем ошибки, все способны на дурные поступки, можем проявить слабость, смалодушничать, растеряться. Важна не наша мнимая безупречность, а то, как мы поступаем с неприятными для себя открытиями, как разбираемся с последствиями своих поступков. Ребенку, которого пристыдили, будет труднее брать на себя ответственность за совершенное; он будет скрываться, оправдываться, переносить вину на другого, что объяснимо: хочется избежать ощущения никчемности.

Если все время говорить ребенку: «Ты ужасный!», то вскоре он волей-неволей начнет считать себя таким. А если говорить: **«Ты хороший, и я люблю тебя, но, на мой взгляд, ты поступил плохо (а еще лучше: ты поступил так, что другим людям и тебе от этого было так-то и так-то)»**, то он не будет чувствовать себя плохим, а научится исправлять ошибки.

Принимать ребенка со всеми его недостатками и достоинствами всегда полезнее и действеннее, чем пытаться его пристыдить. Таким образом вы даете ребенку возможность присвоить свои недостатки и укрепить ресурсные и положительные качества. К тому же вы направляете ребенка послание о том, что мир, люди вокруг в порядке, хороши, но иногда могут происходить различные события, складываться неоднозначные ситуации, к которым ребенку самому предстоит выработать свое отношение.

Наказание

Наказание применяется, как правило, с целью предотвратить повторение подобного поведения в дальнейшем. Однако часто за ним скрывается всего лишь проявление взрослой беспомощности, разочарования и злости.

Справедливое наказание за реально нанесенный ущерб еще может быть воспринято ребенком как адекватная мера, поскольку слегка освобождает его от вины (и это опять же не совсем тот эффект, которого добивается наказывающий родитель: он предпочел бы, чтобы ребенок еще долго ощущал себя виноватым). Несправедливое наказание рождает лишь обиду, злость, возмущение и нежелание иметь дело с таким непонимающим человеком.

Послание при наказании: *«Ты, видимо, не понял, как ужасно поступил? Так вот, я причиню тебе боль, сделаю тебе плохо, унижу тебя за то, что ты заставил меня переживать. Я вымещу на тебе всю боль моего разочарования. Из страха еще раз почувствовать себя плохим родителем я хочу, чтобы ты навсегда запомнил, насколько плохо поступил, а то вдруг забудешь».*

Ребенок, которого наказывают с помощью унижения, физического или психологического насилия, в итоге очень быстро сам становится насильником. Не в силах противостоять наказывающему его родителю, он вымещает свою злость на других детях, на братьях и сестрах, на бабушке, на любом, кто будет позволять ему делать это с собой. Поскольку несправедливое наказание почти всегда воспринимается как акт унижения, проявление агрессии, то в ответ оно рождает лишь желание унижать и мстить.

В качестве сопротивления наказанию ребенок может использовать и модель жертвы, стойко перенося все унижения, оскорбления и побои. Ему страшно оказать сопротивление, поскольку больше всего на свете он боится уподобиться своим

мучителям. У него есть надежда стать абсолютно хорошим, чтобы избежать нападения и наказания. Но его жертвенно-мазохистская модель всегда будет только провоцировать окружение на нападение и насилие. Причем не только в семье. Ребенок-жертва будет попадать в ситуации нападения и наказания повсеместно, где бы он ни был.

Его детская мечта — вырасти и придушить отца собственными руками — так и не сбылась: тот умер раньше, чем он вырос. Он до сих пор сжимает кулаки в бессильной злобе от невозможности хоть раз почувствовать себя не полным ничтожеством, а человеком, которого все вокруг и он сам могли бы уважать. И у него, к сожалению, отличная память, особенно хорошо он помнит тяжелую пряжку отцовского ремня, врезающуюся в его детскую худую спину.

В конце концов с ним ничего плохого не случилось. Просто он бьет своих детей. Не все время, конечно, а когда выпьет и когда узнает, что сын-подросток опять принес двойку и нахамил учительнице и потому его в который раз вызывают в школу. Дочь он старается не бить, она же девочка и маленькая еще, и он как-то по-особенному ее жалеет, просто она сама попадает под руку, когда пытается защитить мать, которая уж, само собой, всегда получает по заслугам.

Наказывая ребенка, вы не делаете его хорошим, вы унижаете его достоинство, истребляете его самоуважение и способность уважать окружающих. Унижение неспособно генерировать добро и свет, чаще всего оно рождает жертвенность, месть и ответную агрессию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru